

Revue des études slaves

LXXXVII-3-4 | 2016

Chroniques et enluminures au temps des premiers tsars

МАРГИНАЛ : НОБЕЛЕВСКОЕ ДЕЛО Н. А. БЕРДЯЕВА В АРХИВЕ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ

Un « marginal » : le dossier N. Berdjajev dans les archives de l'Académie suédoise

Tat'jana Marčenko

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/976>

DOI : 10.4000/res.976

ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 6 décembre 2016

Pagination : 433-456

ISBN : 978720405495

ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Tat'jana Marčenko, « Маргинал : нобелевское Дело н. А. Бердяева В архиве шведской академии », *Revue des études slaves* [Онлайн], LXXXVII-3-4 | 2016, Выложить онлайн 26 mars 2018, Наводить справки в 08 décembre 2020. URL : <http://journals.openedition.org/res/976> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/res.976>

Revue des études slaves

МАРГИНАЛ: НОБЕЛЕВСКОЕ ДЕЛО Н. А. БЕРДЯЕВА В АРХИВЕ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ*

Tat'jana MARČENKO

Maison de l'émigration russe (Maison Soljenitsyne, Moscou)

Прославленный русский философ Николай Бердяев, живший в эмиграции в Париже, выдвигался на Нобелевскую премию по литературе в 1942-1948 гг. С номинациями в Шведскую академию регулярно обращался лундский профессор философии Альф Нюман, экспертный отзыв – реферат объемом почти в 90 страниц – написал копенгагенский профессор-славист Антон Карлгрен. Его отрицательное мнение о трудах Бердяева стало решающим в отклонении этой кандидатуры Нобелевским комитетом. Архивные материалы, положенные в основу статьи, раскрывают подробности данной истории и проливают свет на рецепцию некоторых идей русского философа на Западе.

Наш герой принадлежит к плеяде русских гениев XX столетия. Его философское наследие до сих пор вызывает горячие споры и является предметом неослабевающего изучения. Без отсылки к его трудам не обходится, наверное, ни одно исследование, посвященное историческим судьбам России. Нобелевский комитет по литературе, однако, отверг кандидатуру блестящего представителя эпохи расцвета русской философской мысли. Архивные документы, которые проливают свет на это решение шведских академиков, позволяют не только узнать, как развивалась история с номинацией и обсуждением кандидатуры русского философа в нобелевском закулисье, но и добавить новые черты к осмыслению восприятия и интерпретации его нетривиальных идей европейскими интеллектуалами.

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) уже в начале века проявил себя как яркий мыслитель, прошедший путь от марксизма к идеализму, и как противник революционных потрясений. Один из авторов сборников

* Статья написана в рамках проекта РГНФ «Русская литература в зеркале Нобелевской премии» (№ 15-34-11035), со с. 456. Автор выражает признательность кандидату философских наук Н. И. Герасимову за профессиональные консультации при подготовке статьи.

Вехи (1909) и *Из глубины* (1918), участник Союза освобождения и Религиозно-философского общества в Москве, основатель *Вольной академии духовной культуры* (1919-1922), после революции он был дважды арестован, а в 1922 г. выслан из страны. Сначала Бердяев остановился в Берлине, где познакомился с немецкими философами и с трудами представителей немецкой философской мысли; в 1924 г. переехал в Париж; последние годы жил в пригороде Парижа Кламаре, где и похоронен.

В эмиграции Н. А. Бердяев вел интенсивную интеллектуальную и общественную жизнь: сотрудничал с Русским студенческим христианским движением (РСХД), став одним из его главных идеологов, был создателем и редактором (1925-1940) журнала «русской религиозной мысли» *Путь*, много публиковался (его перу принадлежат 43 книги и около пятисот статей), поддерживал контакты с крупными европейскими философами (Эмманюэлем Мунье, Габриэлем Марселем, Карлом Бартом и др.), организовывал межконфессиональные встречи представителей католической, протестантской и православной религиозно-философской мысли. Эмиграцию философ воспринял как экзистенциальный опыт, когда опорой бытия становится личность человека, и свобода – основополагающим принципом философии Бердяева. В годы Второй мировой войны у знаменитого мыслителя обостряется чувство родины, заставившее его заявить: «Я не националист, я русский патриот» [Бердяев 1949: 292]. Не случайно сразу после войны Н. А. Бердяев выпустил книгу *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.* (Париж, 1946), в которой попытался осмыслить главные русские духовные ценности, раскрыть идею Богочеловечества. Литература о Бердяеве почти необозрима, его философское наследие продолжает быть востребованным, дискуссионным и широко цитируемым.

В 1942-1948 гг. Николай Бердяев был номинирован на Нобелевскую премию¹. Все номинации принадлежат Альфу Нюману (Alf Numan; 1884-1968), профессору теоретической философии Лундского университета, члену Королевского гуманитарного научного общества Швеции.

В Европе полыхает война. 1 января 1942 г. 26 государств подписали *Декларацию Объединенных наций*. Из заметных военных операций января, когда шведский философ и психолог впервые берется за перо, чтобы составить обращение в Нобелевский комитет, в историографии Великой Отечественной войны отмечено только одно – освобождение Малоярославца (2 января). Немецкие войска отжаты от Москвы. Это была громадная победа, первый перелом в ходе мировой войны: в зимних операциях 1942 г.

1. Материалы Нобелевского архива Шведской академии (Стокгольм) предоставлены нам с любезного разрешения Постоянного секретаря академии Сары Даниус (Sara Danus). Пользуемся случаем поблагодарить заведующую архивом Мадлен Энгстрём Бруберг (Madeleine Engström Broberg) за оперативное предоставление сканированных копий.

рухнул миф о непобедимости немецкой армии и был сорван план «молниеносной войны». В Северной Африке британская армия нанесла поражение немецко-итальянским войскам, и, хотя в целом по всей линии фронта в Атлантике, на Средиземном море и в Северной Африке инициативой владели вооруженные силы фашистского блока, стала укрепляться антигитлеровская коалиция. Из Швеции в Германию между тем продолжался экспорт необходимой для производства оружия железной руды, что избавляло нейтральную скандинавскую страну от оккупации.

Начало войны, антигитлеровское движение в среде русской эмиграции (у Бердяевых часто собираются Г. Федотов, мать Мария (Скобцова), И. Фондаминский, думают, что «предпринять» в новых условиях²⁾ и непрестанная работа мысли Ни (Николая Александровича Бердяева) отчасти отражены в дневнике жены философа, Л. Ю. Бердяевой (1871-1945). Вот запись от 18 ноября 1939 г.:

Меня поражает работоспособность *Ни*. Теперь у него задумано одновременно 3 книги помимо статей и семинара. Недавно я, сидя у него в кабинете, наблюдала, как он в одно и то же время может и писать письмо, и делать заметки в тетрадь к той или иной задуманной книге.

[Бердяева 2002: 190]

Другая запись, от 15 апреля 1940 г., – собственное признание Н. А. Бердяева:

Я под впечатлением мысли, как-то пронзившей меня. Я вдруг ясно почувствовал себя продолжателем основной русской идеи, выразителями которой являются Толстой, Достоевский, Вл. Соловьев, Чаадаев, Хомяков, Федоров. Основа этой идеи – человечность, вселенскость... И мысль, что я являюсь продолжателем этой русской идеи, меня глубоко радует... Вот сегодня я с какой-то особенной остротой осознал эту свою связь с основной традицией русской литературы. [Бердяева 2002: 199].

Дневниковых записей в 1941-1942 гг. жена философа не вела или они не сохранились. В 1943 г. примечательна следующая запись от 8 октября: «За завтраком *Ни* сказал нам: “Сегодня я окончил мою новую книгу *Русская идея*”» [Бердяева 2002: 204]. Через неделю, 16 октября, Бердяев прочел домашним оглавление будущей книги – первая глава о «кризисе христианства», «главы о страдании, о страхе, о Боге, о бессмертии» [Бердяева 2002: 204]. Затем начата и завершена в январе 1945 г. новая книга. К этому же времени относится еще одно знаменательное признание философа:

Какая у меня сильная, неугасимая жажда познания! Многие устают от познания, а я нет. Мне хочется знать все больше и больше.

[Бердяева 2002: 204]

2. Л. Ю. Бердяева приводит слова Г. П. Федотова: «“Всякий раз, как наступают важные события, – все стремятся к Бердяевым. Это – главный штаб!” И это верно. Я много раз это замечала. Все как-то чувствуют, что у нас могут поговорить о том, что всех волнует, в атмосфере доверия и свободы. Оживленная беседа» [Бердяева 2002: 200].

В годы войны философом было написано пять книг: *Самопознание (Опыт философской автобиографии)* (1940, изд. 1949); *Творчество и объективация (Опыт эсхатологической метафизики)* (1941, изд. 1947); *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого* (1944-1945; изд. на фр. яз. 1947, на рус. яз. 1952); *Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века)* (1946); *Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения* (1946-1947; на рус. яз. впервые 1996).

Сороковые годы были чрезвычайно тяжелыми для Бердяевых: война, немецкая оккупация Франции, нехватка топлива и продовольствия, преклонный возраст, болезни, серьезная операция, перенесенная Николаем Александровичем в 1942 году, гибель одних друзей, разлука с другими,

– пишет Е. В. Бронникова, публикатор дневников Л. Ю. Бердяевой [Бердяева 2002: 20-21]. В 1945 г. она сама серьезно заболела и в том же году скончалась. В одной из записей военных лет верная подруга русского мыслителя размышляет:

Странно думать, что мы переживаем время, о кот<ором> позже (если это время не последнее!) будут писать, как о чем-то небывалом, грандиозном, впервые в истории происходившем, а вот мы сидим за столом, обедаем, светит солнце, жизнь идет себе, будто так все и должно быть...

[Бердяева 2002: 201]

Но именно так проходили военные годы в нейтральной Швеции: светило солнце, шел дождь, шла жизнь.

Альф Нюман с самого начала своей научной карьеры колебался между философией и психологией. В то время как Николай Бердяев пробует себя на ниве марксизма, обращается к идеализму, обнаруживает *pro et contra* русской революции, оказываясь в конце концов выдворенным из родной страны, Альф Нюман разрабатывает различные стороны физики и метафизики, проводит параллели между Аристотелем и Кантом (и издает ряд работ последнего со своими комментариями), а также вносит свой вклад в изучение поэтики литературного произведения³. Исследовательская мысль Альфа Нюмана все время движется в нескольких направлениях, от обзорных историко-философских очерков (*От Платона до Эйнштейна*⁴) – к разысканиям в различных областях психологии. В 1929 г. Нюман стал профессором Лундского университета в области теоретической философии и одновременно продолжал заниматься изучением современной психологии; его книга *Новые пути в психологии*⁵ выдержала несколько переизданий, выходила также после войны. Один из шведских академиков, член Нобелевского комитета в 1921-1937 гг. Хенрик Шюк считал основной заслугой А. Нюмана «изгнание снобов-эстетов» из Лундского и Упсальского

3. A. Nyman, *Metafor och fiktion: ett bidrag till poetikens teori*, Lund, Gleerup, 1922.

4. Id., *Från Platon till Einstein: studier och utkast*, Stockholm, Natur och kultur, 1933.

5. Id., *Nya vägar inom psykologien*, Stockholm, Norstedt, 1934.

университетов⁶. А. Нюман публикуется и в шведской прессе, в том числе как музыкальный критик, а в 1935 г. объединяет свои газетные заметки в книгу под красноречивым названием *Философски и нефилософски*⁷.

К 1941 г. относится его исследование *Нацизм, цезаризм*⁸, *большевизм*, в которой шведский философ подвергает беспощадному анализу тоталитарную идеологию, сравнивая ее с паутиной, в иллюзиях или даже во лжи которой может запутаться целая нация. Будучи человеком либеральных убеждений и приветствуя победу демократии над тоталитаризмом, то есть поражение нацистской Германии во Второй мировой войне, он видит не меньшую опасность в распространении массовой культуры. В работе *Образование, элита, масса* (1946)⁹ А. Нюман постулировал необходимость предоставить свободу самобытному гению развиваться по его усмотрению и доказывал потребность современного обезличенного общества в гениальности. Но в этом отношении Нюман оставался пессимистом, не полагаясь на снисходительность массы к подлинному творцу.

В 1942 г., когда почтенный профессор впервые адресовался в Нобелевский комитет, у него вышла работа с любопытным названием: *Таланты и общество: некоторые размышления о наших врожденных духовных способностях и их использовании*¹⁰. Свое обращение в Шведскую академию на имя «Господина Директора» лундский профессор датирует 30 января: если за один день письмо не достигнет по какой-либо причине Стокгольма (хотя что может этому помешать?), то штемпель удостоверит, что оно написано точно в срок, т.е. до 1 февраля. А. Нюман хорошо знаком с правилами выдвижения на Нобелевскую премию и цитирует соответствующие параграфы Устава (Статута) Нобелевского фонда. Хотя на литературную премию право выдвигать имеет профессор-филолог, но Альф Нюман является членом Королевского гуманитарного научного общества, что, возможно, приравнивается к членству в академии; во всяком случае эта номинация по формальным признакам отвергнута не была. Первое обращение «относительно премии по литературе за этот год» написано Альфом Нюманом от руки яркими синими чернилами; последующие отпечатаны на машинке.

Если предположить, — пишет шведский историк философии и специалист по психологии, — что Академия ожидает от меня выдвижения кандидата, чьи достижения в философских исследованиях и чье литературно-философское мастерство заслуживают величайшего признания, то я назову имя Николая Бердяева (и имя это дважды подчеркнуто. — Т. М.)

6. Электронный ресурс *Шведский национальный биографический словарь (Svenskt biografiskt lexikon)* sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=8489, дата обращения 13.06.2016.

7. A. Nyman, *Filosofiskt och ofilosofiskt: dagsverken i pressen*, Lund, Gleerup, 1935.

8. Т.е. итальянский фашизм.

9. Id., *Bildning, elit, massa. Sju kulturpolitiska kapitel*, Stockholm, 1946.

10. Id., *Begåvnningarna och samhället: några synpunkter på våra andliga naturtillgångar och deras tillvaratagande*, Lund, Gleerup, 1942.

А. Нюман считает, что, наряду с Бенедетто Кроче, «выдающимся итальянским философом и литературоведом, сенатором», русский философ принадлежит к тем, кто прямо соответствует § 1 Устава Нобелевского фонда. В этом параграфе процитированы слова завещания А. Нобеля о достойных премии авторах: «создавшие нечто выдающееся в идеалистическом <идеальном> направлении»¹¹. Перечислив те разнообразные области гуманитарного познания, которых Н. А. Бердяев касается в своих многочисленных работах, и причислив русского философа к тому направлению, которое развивалось «от Соловьева через Достоевского к Мережковскому» (несмотря на многолетние номинации оставшемуся без Нобелевской премии и умершему за год до этого) [Марченко 2007: 110-195], Альф Нюман подчеркивает, что ему особенно импонирует попытка Бердяева соединить идеи христианского гуманизма с романтическим идеализмом. Восхищает шведского профессора и бердяевский стиль, остро полемичный, пламенный и метафоричный: «[Н]асколько я мог судить по английским, немецким и даже датским переводам, – замечает Нюман, – это стиль подлинного мастера» (последние слова подчеркнуты). Тем не менее, Альф Нюман склонен отделять яркую пассионарность от идей «чистого разума», и если он утверждает: «В современной культурной борьбе Николай Бердяев – одна из самых влиятельных, самых страстных личностей» (в оригинале подчеркнуто), – то в продолжении фразы оговаривается, что среди русских мыслителей современности пальму первенства стоит отдать Николаю Лосскому. К числу лучших работ Н. А. Бердяева шведский профессор относит его «анализ собственно славянской жизни и славянской религиозности».

Сама номинация на этом заканчивается, но Альф Нюман сопровождает ее тремя приложениями. В первом на двух машинописных страницах изложены на английском языке «жизнь и занятия» Николая Бердяева – этим очерком русский философ сам снабдил своего шведского коллегу «за несколько лет перед тем». Приложения 2 и 3 – это список «лучших», как они аттестованы в номинации, трудов Бердяева, на английском (*List of the chief works of N.A. Berdyaev*) и немецком (*Die letzten Werke Nikolai Berdiajew*) языках. Не названо ни одного издания в переводе на шведский (указаны датские издания – Лунд находится на самом юге Швеции, гораздо ближе к Копенгагену, чем к Стокгольму). Английский список содержит лишь названия книг и указания, на какие из основных европейских языков они переведены. Так, книга *Новое Средневековье* (1924) переведена «на 12 языков». О прочих сочинениях русского философа сказано просто: «Numerous brochures, and articles in Russian and foreign periodicals». После этого еще три работы философа названы по-шведски, с указанием, на какие европейские языки они переведены. Немецкий список (Приложение

11. О формулировке завещания Альфреда Нобеля и о многолетней дискуссии вокруг нее см. [Марченко 2007: 49-52].

3 в первой номинации) включает в себя подробные библиографические данные приведенных изданий, это перепечатанный на машинке проспект швейцарского издательства «Vita Nova», в котором труды Н. А. Бердяева выходили в немецком переводе Е. Шора¹². В описании аккуратно приведены описание обложки (твердый картонный переплет или тонкий бумажный) и указана цена. К последующим номинациям будут прилагаться печатные рекламные буклеты издательства «Vita Nova» с выдержками из газетных откликов. Это эскизы из рецензий, традиционно размещаемые вслед за выходными данными и нередко на последней стороне обложки следующего издания книги или новой книги того же автора; большинство рецензий почерпнуто из швейцарских газет. Речь идет по крайней мере о шести работах Н. А. Бердяева: *Христианство и классовая борьба*; *О достоинстве христианства и недостоинстве христиан*; *Правда и ложь коммунизма*; *Смысл и судьба русского коммунизма*; *О назначении человека*; *Судьба человека в современном мире*.

В тексте номинации есть и еще одна отсылка, связанная с Бердяевым. А. Нюман пишет:

В моей книге *Нацизм, цезаризм, большевизм* (Лунд, 1941) некоторые страницы посвящены рассмотрению его философских пророчеств, особенно страницы 190–263, к которым я беру на себя смелость вас отослать. Тем не менее было бы справедливо добавить, что указанное исследование не отдает всей справедливости религиозно-эсхатологическим и эстетическим идеям этого мыслителя, в высшей степени самобытным, но, в соответствии с планом книги, намеренно ограничено лишь рассмотрением ряда актуальных политических и общекультурно-философских мотивов.

И, наконец, показавшееся важным заключение: «через Швейцарию» Нюману удалось узнать, что «профессор Николай Бердяев находится в настоящий момент во Франции, и вот его адрес: 83, ул. Молен де Пьер, Кламар, <департамент> Сены».

Краткое биографическое резюме на английском языке «Николай А. Бердяев» составлено самим русским философом. Излагая факты своей биографии, теперь уже слишком хорошо известные, Бердяев предельно кратко аттестует свою продукцию эмигрантских лет (a number of books of philosophical and sociological problems), сообщив о переводе «некоторых из них» на «целых десять языков» и о присуждении ему за книгу *Философия свободного духа* (1927)¹³ премии Французской академии моральных и политических наук (Académie des sciences morales et politiques).

12. Шор Евсей Давидович (J. Schor, 1891–1974) – историк русской мысли, искусствовед, журналист; эмигрировал в 1922 г. в Германию (не вернулся из служебной командировки), сблизился с русскими и немецкими философами; в 1934 г. через Италию перебрался в Палестину. Переводчик сочинений В. И. Иванова, Л. И. Шестова, Г. Г. Шпета на немецкий язык, переводил работы Н. А. Бердяева для издательства «Vita Nova» (Люцерн). В том же издательстве вышла его собственная книга *Германия на пути в Дамаск* (*Deutschland auf dem Wege nach Damaskus*, Luzern, 1934).

13. Бердяев предпочитал за большую точность французское название этого труда: *Esprit et Liberté*.

Обращение 1943 г. датировано 28 января и полностью повторяет текст первого письма Нюмана в Шведскую академию; обращение от 29 января 1944 г. идентично по тексту (только отпечатано на пишущей машинке) и приложениям (на сей раз отпечатанным на бумаге с водяными знаками). 29 января 1945 г. Альф Нюман пишет крупным почерком небольшой текст, занимающий почти целую страницу. Это неизменное обращение к «господину Директору», повторение первой фразы – собственно номинации на премию – и добавление:

В качестве копии прилагается мое кратко мотивированное предложение от января 1943 г., а также два соответствующих приложения.

На отпечатанном на машинке листе (неожиданно выбрана превосходная бумага с водяными знаками) от руки написано: «Копия», и даже дата (28 января 1943 г.) сохранена. Следующее обращение датировано 30 января 1946 г.; из остающегося неизменным текста убраны строки об адресе философа. Приложения становятся более «убористыми»: они больше не пронумерованы, на полутора страницах перепечатана автобиография Н. А. Бердяева, нижняя часть второй страницы занята списком его трудов – это все те же неизменные десять названий, ссылка на «многочисленные» прочие публикации и еще три работы, названные по-шведски и с указанием, на какие языки они переведены. Немецкий список из обращения в Шведскую академию исчезает, хотя ничего крамольного в нем не было, – ведь книги были изданы в Швейцарии, а не в гитлеровской Германии.

Следующее обращение Нюмана в Стокгольм датировано 30 января 1947 г.; в левом верхнем углу карандашом помечено: «поступило 31.I.47». Слово в слово повторяется обращение, написанное за пять лет до того, в последней строке опять появляется адрес философа в Кламаре. Однако перед этим заключительным абзацем такими же яркими синими чернилами, которыми некогда была написана и первая номинация, сделана приписка. Полностью повторив отсылку к своей книге, где, поневоле ограниченные ее тематикой, рассматриваются некоторые идеи Бердяева, А. Нюман на сей раз замечает:

Однако эти идеи довольно подробно разобраны в работе Свена Столпе *Николай Бердяев* (Стокгольм, 1946)¹⁴.

Книга известного шведского литературоведа и критика, вероятно, стала заметной новинкой минувшего года, если А. Нюман, уже подготовив номинацию (вероятнее всего заранее отпечатанную на машинке секретарем), решился вписать на полях (!) указание на работу о русском философе. Не удовлетвовавшись этим, он продолжает, пользуясь свободным местом внизу страницы, слева от расположенной по центру подписи:

14. S. Stolpe, *Nikolaj Berdjajef*, Stockholm, Bonniers, 1946. Свен Столпе (1905-1996) – шведский писатель, литературовед и критик, журналист. Его небольшая работа о Бердяеве вышла в серии «Идея и полемика» (*Idé och debatt*) и была переиздана несколько десятилетий спустя (Borås, Norma, 1983).

Следует также добавить, что духовное влияние Бердяева на французскую культурную жизнь непрестанно возрастает. Я могу назвать среди прочих книгу Гастона Фессара *Франция, бойся потерять свою Свободу!* (Париж, Издательство “Темуаньяж кретьен”, 1946)¹⁵.

Последняя книга, кстати, тоже относится к числу только что изданных.

Последнее обращение в Стокгольм с номинацией Николая Бердяева было подписано Альфом Ньюманом 28 января 1948 г. Текст полностью повторяет самое первое обращение; никаких библиографических добавлений, вписанных в номинацию годом раньше, в этом послании нет. Заметим также, что в приложенном к двум последним номинациям списке избранных трудов Н. А. Бердяева, названных по-английски, три последние позиции, обычно приводимые по-шведски, даны на французском языке. 23 марта 1948 г. русского философа не стало, и, кажется, только это обстоятельство смогло прервать регулярные обращения в Шведскую академию его поклонника из Лунда.

В 1942 г., получив от Альфа Ньюмана первое послание с выдвижением Николая Бердяева на Нобелевскую премию по литературе, Нобелевский комитет, следуя сложившейся практике, поручил написать отзыв о творчестве предложенного кандидата своему присяжному эксперту по славянским литературам, профессору Копенгагенского университета и редактору газеты *Dagens Nyheter* Антону Карлгрёну (1882-1973)¹⁶.

Выпускник Упсальского университета, публицист, журналист, филолог А. Карлгрён был профессором Копенгагенского университета с 1922 по 1953 г. и писал обзоры по творчеству славянских писателей, представленных на Нобелевскую премию, с 1921 по 1948 г. В молодости, начиная со студенческих лет, Карлгрён неоднократно и подолгу бывал в России; он посылал корреспонденции для *Дagens nyheter* и в период между двумя русскими революциями выпустил несколько книг: *Vinterdagar bland ryska bönder* (Зимние дни среди русских крестьян; Stockholm, 1907) о русско-шведской деревне на Днестре; *Ryssland utan vodka. Studier av det ryska spritförbudet* (Россия без водки. Исследование русского сухого закона; Stockholm, 1916); *Ryska intervjuer. Studier från världskrigets Ryssland* (Stockholm, 1916). Через несколько лет после Октябрьской революции была издана книга *Bolsjevikerens Ryssland* (Большевистская Россия; Stockholm, 1925; вышла в 1926 г. в переводе на датский и на финский языки, в 1927 г. по-английски). В то же время им написаны разделы о России для шведского

15. G. Fessard, *France, prends garde de perdre ta liberté*, Paris, Témoignage chrétien, 1946. Гастон Фессар (1897-1978) – священник-иезуит, известный французский философ, богослов. В ноябре 1941 г. отец Фессар опубликовал в первом номере редактируемого им журнала *Cahiers de Témoignage chrétien* (Христианское свидетельство) статью *Франция, бойся потерять свою душу* (*France, prends garde de perdre ton âme*).

16. О роли Антона Карлгрёна в истории присуждения Нобелевской премии по литературе русским писателям см. [Марченко 2000: 33-44].

энциклопедического издания *Всемирная история*¹⁷; он пишет о русской, польской, чешской литературе и выступает присяжным экспертом Нобелевского комитета, что предполагает ежегодное чтение продукции славянских писателей, номинированных на премию, и составление обзоров об их творчестве. В середине 1920-х–1930-е гг. печатная продукция самого А. Карлгрена – слависта резко снижается, все его время отнимает редакторская работа в *Дагенс нюхетер* и составление экспертных заключений для Шведской академии. В год первого выдвижения на Нобелевскую премию Н. А. Бердяева выходит монография *Stalin. Bolsjevismens väg från leninism till stalinism* (Сталин. Путь большевизма от ленинизма к сталинизму; Stockholm, 1942); том в шестьсот страниц в тот же год увидел свет на финском языке.

Написанный А. Карлгреном обзор о русском философе выглядит как настоящий трактат – это машинописный текст, насчитывающий 87 страниц, или, в современном пересчете на печатные знаки, два авторских листа. Вступление к этому трактату начинается с констатации ряда неутешительных моментов.

Что касается адекватной интерпретации сочинений Николая Бердяева, – заявляет эксперт, – следует с самого начала оговориться, что для нижеподписавшегося это было почти неразрешимой задачей. Во-первых, эта задача предполагает философское и прежде всего богословское образование, и особенно понимание связанных с православной церковью знаний и представлений, которого у нижеподписавшегося совершенно нет; большая часть сочинений Бердяева не может быть понята и ни в коем случае не может быть оценена никем, кроме эксперта по богословию. Из другой части лишь небольшая часть его сочинений оказалась мне доступна. Из его дореволюционной продукции мне не удалось добыть ни единой строчки; из его продукции 20-х и 30-х годов мне удалось заполучить несколько работ, а из редактируемого им журнала *Путь*, в котором он с 1920-х гг. написал массу статей, я видел лишь отдельные номера. Но, помимо прочего, мне удалось познакомиться только с несколькими его работами на языке оригинала. И Нобелевской библиотеке, с величайшими усилиями заказавшей книги в прочих библиотеках и предоставившей их в мое распоряжение, и мне самому удалось раздобыть в основном немецкие, английские и французские переводы. А их изучение порой просто сводит с ума. Переводчики очевидно немного понимают из весьма туманных рассуждений автора, и заканчивается это тем, что переводы, особенно в сложных вопросах, попросту обесмысливаются. Порой с помощью сопоставительного анализа, например, английского и немецкого переводов одного сочинения вы можете преуспеть в поисках смысла, но часто это совершенно безнадежно.

17. *Rysslands inre historia 1863-1914* (Norstedts Världshistoria, del 13: *Den väpnade freden. Imperialism och industrialism (1871-1914)*, Stockholm, s. 817-872); *Tsarismens sista och bolsjevismens första år* (ibid., del 14: *Världskriget och frederna*, Stockholm, 1937, s. 735-922). Для тома *Вооруженный мир* написан раздел *История России 1863-1914*; для тома *Мировая война и мир* – раздел *Последние дни царизма и первые дни большевизма*.

Жанр обзора А. Карлгрена о глубоко чуждом ему, малопонятном философском творчестве Н. Бердяева можно определить как «реферат с претензиями». Претензии, впрочем, предваряют реферат трудов философа.

В качестве первой претензии эксперт называет стиль философа. Читателю следует набраться терпения, полагает Карлгрен, поскольку его «ожидают тяжелые испытания». При этом эксперта возмущает, что в номинации – «на основании иностранных переводов» – Бердяев назван «мастером стиля»:

Это утверждение совершенно ошарашивает; Бердяев в своих работах как стилист так плох, что никто из самых благожелательных эмигрантских критиков не осмеливается этого отрицать.

Приведем *en pendant* выдержку лишь из одной рецензии (и оговоримся, что большинство рецензентов-философов обращают внимание не на слог, а исключительно на содержание):

Новая книга Н.А. Бердяева представляет собой выдающееся событие в русской философской литературе. Она в чрезвычайно яркой и глубоко продуманной форме подводит итог многолетним философским исканиям автора и синтезирует их плоды. Несмотря на громадную систематическую и историческую насыщенность книги, вибрирующей вместе с тем в унисон со всеми новейшими тенденциями современной мысли, она изложена общедоступно и читается легко и с напряженным интересом¹⁸.

[Гурвич 1931: 512]

А. Карлгрену, впрочем, понравилось сравнение одного из переводчиков, который назвал стиль Бердяева «тавтологическим», уподобив его «молотку скульптора»; неустанно повторяя слова и фразы, он словно вбивает их в головы читателей – или, иначе, работает над отделкой своей мысли. Шведский славист полагает, что лучшим инструментом при работе над бердяевским стилем стала бы красная ручка – чтобы безжалостно вычеркнуть все бесчисленные повторения, которыми наводнены его сочинения.

Писатель способен жевать и пережевывать одно и то же без конца, пока читателя не начинает тошнить, – интимно делится Карлгрен со шведскими академиками, присуждающими Нобелевскую премию, – часто он даже и не заботится о разнообразии выражений, и, раз обретя кем-нибудь или им самим счастливо сформулированную фразу, он так и повторяет ее затем по несколько раз.

Из этой претензии вытекает следующая – «острая нехватка» строгой логики в развитии мысли и построении текста.

18. Нелишне заметить, что в том же разделе *Критика и библиография* того же тома журнала Н. Лосским отрецензирован франкоязычный труд о современных тенденциях в германской философии самого Г. Гурвича, владеющего, стало быть, широким материалом, в контексте которого он сам оценивает и книгу Бердяева (Н. Лосский, «Gourvitch. Les tendances actuelles de la philosophie allemande», *Современные записки*, 1931, т. 47, с. 508-510).

Как только мысль приходит ему в голову, он отдается ей; от главного аргумента он уходит все дальше и дальше ради причудливых отступлений и ненужных эскапад; он непоследовательно переходит от одного аргумента к другому. И все это фонтанирует без передышки, без паузы, – сокрушается нобелевский эксперт, – он пишет порой несколько страниц, а то и главы целиком без того, чтобы оторвать перо от бумаги; зачастую вязкое и мутное повествование не позволяет разделить его на логически более мелкие куски.

В скобках А. Карлгрен замечает, что переводчики Бердяева на иностранные языки делят текст при переводе по своему произволу, обычно чисто механически, так что фрагменты текста на разных языках не соответствуют друг другу (например, немецкий – английскому). Кроме того, «сделать паузу там, где ее нет», – отнюдь не означает облегчить текст для понимания.

Наконец, еще одна претензия, неотделимая от предыдущих, – это неспособность к «стилистическому оформлению», к строгой композиции текста. Замечательно, что, указав на это, безусловно, слабое с точки зрения нормативных риторик место Бердяева, Карлгрен невольно обнаруживает тем самым сильную сторону философа: его «беспорный пафос», собственная увлеченность так захватывает читателя, что последний попросту забывает обо всех несовершенствах стиля. На помощь вновь приходит сравнение с молотком скульптора, на глазах испуганных зрителей высекающего из камня искры; вот и Бердяев в слове «дерзок, часто противоречив, вечно провокативен в отражении мыслей, для которых он счастливо находит возвышенные и порой парадоксальные формы выражения (эффект теряется, если вы встречаете их снова и снова)». Общее впечатление у шведского слависта от сочинений Н. Бердяева складывается неблагоприятное: «сильно запутано, тягуче и монотонно; при чтении сочинений Бердяева прежде всего возникает впечатление о невероятно болтливом языке, который, как только начал молоть, так и работает полумеханически на лету без остановки». Довольно скандальное определение, хотя, между прочим, и не рассчитанное на публикацию. Это определение приобретает почти издевательский характер, если предположить, что Карлгрен знал о мимическом тике Бердяева – неожиданно высовывать при разговоре язык... однако в этом случае шведский профессор едва ли решился бы на подобное сравнение.

Первой подвергается рассмотрению *Философия свободного духа (Проблематика и апология христианства)*, 1927. Эта проблематика, как и эта апология, в наименьшей степени соответствуют умонастроениям и интересам нобелевского эксперта: область его подлинных интересов – современная история и политика, его взгляды на литературу предполагают, что она должна прежде всего быть, что называется, *belles lettres* – то есть художественной литературой в собственном смысле слова, обладающей всеми

признаками *fiction*. Но философия, к тому же с религиозным уклоном, решительно не привлекала Антона Карлгрена; однако другого эксперта-слависта в Шведской академии не было. Больше полувека спустя кажется странным, что члены Шведской академии не были знакомы с трудами Н. А. Бердяева, что его работы до Второй мировой войны не были переведены и опубликованы в Швеции, что имя русского философа-эмигранта, который «целиком и полностью стоит на почве православия», настолько мало известно, что требуется специальный реферативный очерк его творчества¹⁹. Антон Карлгрен настроен полемично, и не столько в отношении идей Бердяева: человек западной протестантской культуры, он не приемлет горячего воодушевления русского философа, который готов «несколько однообразно – и столь же избыточно – ураганным огнем разнести на мелкие части» противоречащую его мыслям концепцию.

Речь не идет о том, чтобы углубиться в религиозно-философские и морально-богословские труды Бердяева, типичные образчики мыслей которого мы привели, – констатирует эксперт, завершая свою попытку изложить некоторые тезисы *Философии свободного духа*. – Непосвященный, привыкнув после немалых усилий к особенностям слога, прочтет ее <эту работу> с интересом, увлеченный благородным идеализмом, который пленяет оригинальными комментариями, порой прямо дух захватывающими своим вольным полетом, за которым не всегда легко уследить. Однако высказать мнение об этой работе в целом здесь невозможно, поскольку многое пришлось опустить, и только следует признать, что не это сочинение Бердяева послужило поводом для его выдвижения на Нобелевскую премию.

Следующий раздел экспертного заключения А. Карлгрен посвящает *Смыслу истории* (1927), «самому главному», если верить философу, из его трудов. Подобно исследованию «глубин христианства», замечает шведский славист, Бердяев стремится погрузить свой ланцет в «глубины истории». Однако Карлгрен должен пояснить, что для русского мыслителя главной становится историософская проблема: тесно связанная с христианской традицией, русская философия на протяжении последнего века, в борьбе славянофилов и западников, билась над эсхатологическим вопросом миссии России в мировой истории. Мировая война и революция подвигли Бердяева принять «вызов» русской историософской традиции.

19. Заметим, что и за прошедшие десятилетия появилось всего несколько шведских переводов трудов Н. А. Бердяева. Одна из книг вышла в год смерти философа: Berdiaeff Nicolai, *På tröskeln till ny tid* [На пороге новой эры], översättning av Gösta Andersson, Stockholm, 1948. Несколько десятилетий спустя был выпущен сборник цитат из сочинений Бердяева: N. Berdjajev, *Källor till rysk vishet: tankar och dikter* [Источники русской мудрости: мысли и афоризмы], till svenska av Ann-Britt Andersson, text red. E. Hettinger, Stockholm; Malmö, 1980. Наконец, в 1990-е гг. северншведское издательство Artos предприняло издание сразу нескольких работ философа (Berdjajev Nikolaj) в переводах на шведский язык Стефана Борга (Stefan Borg): *Historiens mening: ett försök till en filosofi om det mänskliga ödet* [Смысл истории: попытка философии человеческой судьбы], Skellefteå, Artos, 1990; *Om Dostojevskij*, Skellefteå, Artos, 1992; *Vägar till självkännedom* [Пути к самопознанию], Skellefteå, Artos, 1994.

Карлгрен указывает также, что это сочинение родилось из лекций, прочитанных Бердяевым в Москве зимой 1919-1920 гг. в «Вольной академии духовной культуры» и переработанных в книгу в Берлине после высылки в 1922 г. Однако произнесенные устно, когда бесконечные повторы оправданы стремлением донести до слушателей свою мысль, эти лекции не подвергались необходимым сокращениям, так что добраться до сути «труда кажется сверхсложным».

По слегка травестированному и вовсе не сочувственному реферату *Смысла истории* заметить испытанные экспертом трудности невозможно: без видимых усилий он излагает основные мысли Бердяева, – о слабости традиционного «историзма», о необходимости ощутить «тайну» исторических процессов, не объяснять, а «воспринимать» их, для чего следует не изучать «объект» истории, а прикоснуться к сокровенным глубинам ее «субъекта». «Глубины истории – это не что-то внешнее, постороннее для человека, – поясняет Карлгрен бердяевскую идею, – без сокровенных пластов в его собственном сознании». «Концентрированно» изложив свое понимание бердяевской критики традиционной истории, Карлгрен вопрошает: «Чем же обладает анамнезис Бердяева для раскрытия смысла исторических процессов?» Очевидно, что протестантское сознание Карлгрена категорически возражает против идей о «вечном времени», о «другом мире», о «небесной» – в противопоставлении земной – «судьбе человека», о предопределенности исторических процессов, о предсущей истории истине. Если Альфа Ньюмана поразила необычная новизна и перспективность идей Бердяева, то Карлгрен не собирается выходить из твердых рамок научного позитивизма и рекомендовать на Нобелевскую премию автора следующих воззрений: «Историософия должна стать метафизикой истории, с прологом на небесах».

Дальнейшее реферирование карлгреновского реферата «в высшей степени хаотичной работы» Бердяева *Смысл истории* выходит за пределы нашей статьи, хотя, разумеется, искреннее, не рассчитанное на публикацию восприятие послереволюционного труда русского религиозного философа европейским протестантским сознанием замечательно во многих отношениях и требует особого рассмотрения. Приведем лишь заключение эксперта о *Смысле истории* Н. А. Бердяева.

Нельзя не признать смелой оригинальности, с которой он творит, равно как и определенного величия разворачиваемой им истории; также интересны и наводят на размышления его взгляды на некоторые исторические события, – соглашается Антон Карлгрен. – Но когда он (Бердяев. – Т. М.), по его собственному рецепту, спускается в бездонную внутреннюю шахту, чтобы постигнуть тайну исторических процессов, то в полнейшее заблуждение придет и откажется что-либо понимать не только историк с лотком (инструмент археолога при раскопках. – Т. М.). То, что большевики, перед которыми он с завидным мужеством развивал свои

мысли о смысле истории на лекциях в Москве, сочли его присутствие в большевистском государстве бессмысленным, можно понять; будет, однако, совершенно безопасным для философа признать, что не только большевики находят его взгляды целиком и полностью неприемлемыми.

Так заканчивается очередной, отделенный звездочками раздел «реферата с претензиями», который представил шведским академикам эксперт-славист. Но он продолжает свой очерк о Бердяеве – большая его часть еще впереди. Следующий раздел посвящен работам Н. А. Бердяева 1920-1930-х гг., звучащим «обвинительным актом современности» и объединенным темой «нового средневековья». Речь и идет о книге 1924 г. *Новое Средневековье (Размышление о судьбе России)*.

Поскольку марксизм относится к тем явлениям, которые Бердяев считает особенно показательными для нового средневековья, то он и рассматривает особенно подробно большевизм, его особые условия, его отличительные особенности, его перспективы. Эта работа Бердяева, прочая продукция которого оказалась интересной лишь весьма узкой части западноевропейской публики, привлекла едва ли не всеобщее внимание – замечает Карлгрен. – К пророческим воплям о последних днях нашей европейской культуры, переживающей закат, мир еще недавно прислушивался неохотно, и тот поворот, который придал теме Бердяев, обеспечил ей, безусловно, немалый интерес. Его исследование большевизма очевидно заинтересует осмыслением проблем, принесенных большевистской революцией и большевистским режимом, в более глубокой перспективе, чем их принято рассматривать, к тому же исследование это проведено человеком, у которого, как считается, были особые условия, чтобы проникнуть в истину и засвидетельствовать ее.

Выгодно отличаясь, как непосредственный очевидец событий, от «политических туристов» (явная аллюзия на европейских литераторов, посещавших Советский Союз), Бердяев вдохновил «среди прочих», считает Карлгрен, и профессора Альфа Нюмана в его книге *Нацизм, цезаризм, большевизм*.

Сам Антон Карлгрен только что подготовил к изданию внушительную монографию *Сталин* с подзаголовком *От ленинизма к сталинизму*, то есть обратился к тем же вопросам «большевистской революции» и ее исторической перспективы; и русский эмигрант Бердяев, и соотечественник Нюман выступают, тем самым, как его конкуренты. Лундский профессор, впрочем, не оппонирует Бердяеву, а является его сторонником:

Нюман указывает на то, что ввиду сильно расходящихся представлений о большевизме, разнонаправленных и заведомо односторонних, стоит “прислушаться к русскому мыслителю, рядом с которым в его стране произошел политический обвал и который свободен от подозрений, что он лазутчик рухнувшей царской системы”.

Приведя это, в сущности, не вызывающее возражений мнение А. Ньюмана, выдвинувшего русского мыслителя на Нобелевскую премию, А. Карлгрен обращается к разбору еще нескольких трудов Н. А. Бердяева – при этом не приводит ни одного названия, это просто «другие работы». Судя по содержанию дальнейшего реферата, к рассмотрению была привлечена книга *Истоки и смысл русского коммунизма* (1938)²⁰. Замечательно, однако, что Карлгрен словно заражается дискурсивными пороками Бердяева – невозможно определить то место в его тексте, где он от рассмотрения одной работы русского философа обращается к другой; сам он начало обзора нового труда никак не помечает, а потом столь же неожиданно опять возвращается к *Новому Средневековью*.

Поскольку реферат представляет особый интерес с точки зрения восприятия философских идей Н. А. Бердяева в европейской интеллектуальной среде и еще более важен в ракурсе влияния их на шведскую гуманитарную интеллигенцию, то его следовало бы рассматривать специально в этом контексте. Мы же ограничимся только теми высказываниями А. Карлгрена из оставшейся, большей части его очерка, которые непосредственно относятся к выдвижению русского философа на Нобелевскую премию. В обстоятельном обзоре *Нового Средневековья* Карлгрен позволяет себе полемику с А. Ньюманом, номинировавшим Бердяева на премию. Замечательно при этом, что Ньюман – профессиональный философ, историк философии, углубленно занимавшийся также проблемами психологии и эстетики, а Карлгрен – филолог по образованию (его диссертационная работа носила чисто лингвистический характер, а затем его увлекла журналистика и политология). Но Карлгрен – славист, претендующий на знание и понимание русской истории; именно исторические аспекты и их истолкование прежде всего занимают его в работах Бердяева – эксперт реферирует их, чтобы оспорить.

Нарочито или невольно, Карлгрен демонстрирует свое владение историческим материалом и русским языком. Так, заметив, что Бердяев пишет о большевизме не без уважения, а о демократии – с известной долей «отвращения», Карлгрен поясняет, что такое отношение может корениться в «настроении, господствующем в среде русской эмиграции, которая меньше сосредоточена на большевизме, чем на предшествовавшем ему демократическом режиме, обвиняя его неудачную политику, и, бесспорно,

20. Название этой книги в списке А. Ньюмана приведено по-шведски, причем оговорено: «нет по-русски, но издано на английском, немецком и французском языках». Если вспомнить вступление к экспертному очерку, то там Карлгрен сетует, что какие-то работы ему не удалось достать по-русски, а лишь в переводах. Речь могла идти и об этой книге, впервые опубликованной в переводах: Nikolai Berdiajew, *Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus: ein Beitrag zur Psychologie und Soziologie des russischen Kommunismus*, Deutsch hrsg. v. I. [Eusebius] Schor, Luzern, Vita Nova Verlag, 1937, 199 s.; N. Berdiaev, *The Origin of Russian Communism*, transl. from Russian by R. M. French, Glasgow, 1937, 194 p. Русский оригинал впервые увидел свет уже после войны и после кончины философа: Н. А. Бердяев, *Истоки и смысл русского коммунизма*, Париж, YMCA-Press, 1955.

с полным правом, в подготовке почвы для большевистской революции». И добавляет в скобках:

Витающие в воздухе всей эмиграции чувства к Керенскому, ее козленку отпущения²¹, слетают время от времени и с уст Бердяева.

Будучи знатоком русского языка²², Карлгрен вводит русские слова в свой реферативный курс. Так, хотя он и изобретает сложное шведское слово, но разве может оно равноценно отразить русское понятие, тот «стихийный», нерегулируемый процесс, который имеет в виду Бердяев, цитируя в свою очередь Плеханова, полагавшего, что именно так из сознания просвещенных революционных масс «уйдет» религия? И, раз объяснив значение введенного им русского слова, Карлгрен активно оперирует им – слово «самотек» в его тексте встречается чаще, чем у Бердяева.

Карлгрен словно составляет более, на его взгляд, стройную систему из идей Бердяева, почерпнутых в ряде трудов философа. Иногда эксперт, правда, не может удержаться, чтобы не довести цитируемую мысль до абсурда. Так, процитировав статью *Размышления о русской революции*: «Авторитет власти всегда ведь держится религиозными верованиями народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает» [Бердяев 1991: 43], – нобелевский эксперт вкрадчиво предлагает автору вопрос:

[М]ожно спросить, полагает ли он, что, например, и власть Гитлера основана на религиозной вере немецкого народа или, кстати, если бы он знал шведские дела, неужто он и в самом деле подумал бы, что авторитет правительства Пера Альбина Ханссона²³ покоится на религиозной вере шведского народа?

Все мистико-религиозные объяснения истории в целом наталкиваются на ироничное неприятие Карлгрена. Несколько брюзгливо, но с юмором он воспринимает те построения Бердяева, где тот не находит иного истолкования захвата власти большевиками, кроме «божественного наказания», посланного русскому народу: считая подобные идеи смехотворными, шведский славист, конечно, сильно упрощает тезисы русского философа. Вырванные из контекста вольно и дерзко развивающейся мысли, такие

21. К сожалению, шведскую идиому «hackkyckling» – букв. «разделанный цыпленок» (возникшую из-за многозначности глагола «hacka», означающего, прежде всего, «рубить (мясо, овощи), колоть, резать», но также и «придираться») – невозможно точно перевести на русский и прочие языки; наиболее подходящий вариант перевода в словарях – козел отпущения. Мы попытались в своем переводе сохранить и смысл, и образ.

22. Помимо прочих возможностей выучить и усовершенствовать язык, укажем также, что первым и достаточно длительным браком (1909-1920) А. Карлгрен был женат на Анастасии Николаевне Небеснюк, дочери директора департамента в министерстве путей сообщения.

23. Per Albin Hansson (1885-1946) – шведский политический и государственный деятель, председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции; премьер-министр с 1932 по 1946 год. Его политика в отношениях с нацистской Германией, весьма выгодная для Швеции, вызывала неоднозначную реакцию у соотечественников.

пассажи как, в частности, что «Бог наказал русский народ за грехи, избрав большевиков инструментом этого наказания», выглядят по меньшей мере наивно. С иными же высказываниями Карлгрен охотно соглашается, например, с мнением, что русский народ всегда «имел явную нерасположенность к сменявшим друг друга самодержцам и, напротив, и тут Бердяев прав, не стремился к установлению конституционного правления, а предпочитал всему жизнь в полной анархистской вольнице». Происходит, впрочем, некоторый конфликт идей – почему же вольнолюбивый русский народ оказался под большевиками, чье авторитарное правление превзошло даже царское? – но счастливо разрешается приписыванием русскому народу также известной покорности (пассивности), «с кулаком в кармане и проклятьями на устах», которая позволяет ему жить под гнетом авторитарного правления. Однако, справедливо замечает Карлгрен, «это помогает объяснить, почему, когда после обнаружилось, что большевистское правление оказалось куда хуже царского, народ ни в коем случае не восстанет против него; но все-таки это никак не объясняет, как же Россия стала большевистской».

Карлгрен подробно, на нескольких страницах, разбирает тезисы Бердяева относительно истоков большевизма и его связи с религиозностью русского народа, отпадением от веры и наказанием за грехи. Утверждение Бердяевым «коммунистической религии, которую он не только изобрел, но и отстаивает со всей страстностью», проанализировано экспертом для того, чтобы указать, что профессор Нюман в своей работе *Нацизм, цезаризм, большевизм*, к которой он отсылает в письме-номинации, «в этом пункте совершенно не понял Бердяева». Карлгрен цитирует Нюмана, который обнаруживает у высоко ценимого им русского философа «противоречие» – с одной стороны, Бердяев «гвоздями прибивает к позорному столбу коммунизм как конечное следствие религиозно нейтральных, отживших идей гуманизма», с другой стороны – «подчеркивает, что русский менталитет всегда поглощал эти самые идеи и пропитывался ими до самых сокровенных глубин своей неукротимой души». «Ясно, – продолжается цитата из А. Нюмана, – что оба эти воззрения не позволяют сложить целостную картину эпохи». Карлгрен словно разъясняет для своего соотечественника и невольного оппонента в «бердяевоведении», что противоречия в действительности нет, поскольку коммунизм с его дегуманизацией как раз противостоит глубинной религиозности русского народа:

Верно ли это по существу, – замечает Карлгрен в скобках, – это совсем другая история.

Карлгрена, как специалиста по современной истории России, по политической ситуации в ней, интересует прежде всего восприятие Бердяевым русской истории, ее основных вех. Несогласие шведского слависта сквозит

в каждом абзаце его текста, но прямые выпады он позволяет себе нечасто, однако выбирает для своего обзора именно те тезисы, после которых напрашивается «знак вопроса». Так, например, для Карлгрена очевидна та «идеализация русского народа, особенно русского крестьянства, которая во все времена была присуща классу, к которому принадлежит Бердяев, русской интеллигенции, которую даже революция, показав подлинное лицо русского народа, не смогла вылечить от этого <заблуждения>». Для Карлгрена, который выступает в роли эксперта не столько в области русской словесности, сколько в области руссиеведения, «это еще вопрос, не была ли религиозность русского народа тонким слоем, под которым душа оставалась совершенно не затронутой». Резонов противоречить Бердяеву у Карлгрена достаточно; в частности, рассуждения Бердяева о расколе для шведского слависта мало убедительны хотя бы потому, что никакого религиозного расхождения, богословского спора в XVII в., в сущности, не было, а были разногласия о том, двумя или тремя перстами креститься; не менее «сомнительны» для Карлгрена и представления о большей, чем у других народов, религиозности именно русского народа. Эксперт напоминает, что «дикая свирепая жадность, с какой мужики набросились после революции на помещиков, доказывает обратное». «И совершенно смехотворным кажется, – добавляет Карлгрен еще одно соображение к своим контраргументам, – когда Бердяев разъясняет, что западноевропейский патриотизм – его он считает за грех – не может прижиться в русской душе; он <русский патриотизм> недавно расцвел так, что побил все западные рекорды». Заметим, что эти слова написаны в тяжелейшее для России время, когда патриотизм оказался той главной объединяющей весь народ силой, которая в конце концов и привела его к победе во Второй мировой войне. Но шведское настороженное отношение к восточному беспокойному соседу ничто не может поколебать, и Карлгрену кажется, что вся русская вера в свое мировое призвание, представления о русском мессианстве и идеи Бердяева движутся в одном – «совершенно беззастенчиво земном, империалистическом направлении». Еще раз подчеркнем – это сказано в 1942 году.

Так, шаг за шагом, то есть выдвигая свой антитезис на едва ли не каждый (задевающий, настораживающий его или прямо кажущийся неверным) тезис Бердяева, Карлгрен завершает свой многостраничный обзор, постепенно подменяя порученное ему рассмотрение сочинений русского философа и даже полемику с ним собственным разъяснением особенностей русского менталитета и русской истории. Шведский славист с удивлением обнаруживает, что Бердяев, со всеми своими идеями «коммунизма как религии», вполне смыкается с «советской философией, делая из нее весьма поучительные и порой забавные выводы». Впрочем, для Карлгрена не составляет труда убедиться: если следуешь за мыслью Бердяева, то

обнаруживаешь, что «речь идет уже вовсе не о марксизме, а об особой разновидности в высшей степени радикального идеализма»:

Подробный обзор этого описанного Бердяевым развития советской философии содержится в упомянутом труде Ньюмана, к которому я в этом пункте и отсылаю.

Что касается собственно русской истории и – отчасти – истории русской литературы (в частности, в истолковании нигилизма), тут Карлгрэн чувствует себя настолько в своей стихии, что легко погружается не только в XIX, но и в XVII век, чтобы пополемизировать с Бердяевым относительно подлинного смысла русского церковного раскола и его влияния на общественно-духовную русскую жизнь последующих столетий²⁴. Соглашаясь с русским философом (он «несомненно прав») в том, что раскольники имели ряд общих черт с революционерами XIX в., шведский славист считает источником этой общности известные «стороны русской души (психологии)»: «непреклонная убежденность в собственной правоте», склонность «доходить до крайностей» в ее отстаивании, «бесстрашие по отношению к враждебной этой правде государственной власти», «отказ от других жизненных ценностей», «готовность уничтожить противника своей правды». Однако Карлгрэн не только не склонен согласиться с историософской концепцией Бердяева, стройно соединившей раскольников («этап раскольников-нигилистов», иронизирует эксперт), нигилизм (собственно «нигилистов» Карлгрэн считает лучше всего изображенными в *Бесах* Достоевского) и большевизм («этап нигилистов-большевиков»), но в еще меньшей степени с его объяснениями «истоков коммунизма» в России и большевистского правления как реализации теории и практики нигилизма.

В попытке историософского соединения «религиозности русского народа» и атеистических идей нигилизма шведский славист видит какой-то невероятный интеллектуальный оксюморон, высказавшись наконец прямо, что все построения Бердяева настолько «целиком сотканы из воздуха, что диву даешься, как мог человек, стоявший у истоков русского марксизма, вообще до них додуматься».

24. Замечательно, что советскому писателю-коммунисту Константину Федину приходит в голову то же сопоставление – фанатизма большевиков с фанатизмом раскольников. Кирилл Извеков, один из героев романа *Костер* (1961), вспоминая Гражданскую войну, когда он, красный комиссар, столкнулся со староверами и с монахом-отшельником, говорит: «Это меня изумило: до чего стоек старик! Такой не поддастся, не уступит... <...> Мне подумалось, что мы – тоже ни за что не поддадимся, не уступим! Подумалось, что мы крепки своими убеждениями не меньше, а больше, чем старик своей верой. И что не только он нас не пересилит, но и все, кто с ним, сколько бы их ни было и сколько бы ни изумляли своим упорством, – не перетянут нас никогда!...» Старый коммунист Рагозин неприятно поражен: «Ты, что же, убеждения коммунизма со старой верой сравниваешь? С религией? – Кирилла даже отшатнуло в сторону от удивления. – Крепость приверженности сравниваю, – воскликнул он. – Стойкость сравниваю, упорство! Шли ведь когда-то раскольники в огонь за свою веру. Разве мы отступаем перед огнем, защищая свои убеждения?» Но Рагозин, совсем как скандинавский профессор, упорствует, доказывая несопоставимость явлений: «Наша стойкость иного источника и совсем иных целей» [Федин 1971: 236-237].

Марксизм победил в России, — возражает Карлгрен, — потому что провозгласил пролетариат движущей силой революции и тем самым поставил на ноги марксистский авангард, воспользовавшийся конъюнктурными обстоятельствами и, со всей своей энергичностью и напористостью, захвативший ведущую роль во время русского стихийного революционного взрыва, — вот ответ на вопрос, инспирировавший Бердяева на его замысловатую теорию.

Для шведского слависта несомненно другое: революция пробудила «первобытные» силы русского народа, стимулировала его энергию, задвленную во времена царизма и во многом разбужденную войной; этой мощной конструктивной энергией и объясняется энтузиазм пятилеток, но ни с «конститутивной религиозностью русской души», ни с «изначальными социалистическими идеалами», ни с «запутанными объяснениями» Бердяева история большевистской России не имеет, по мнению Карлгрена, ничего общего.

Из прочих тем, волновавших Н. А. Бердяева в 1920-1930-е гг., Карлгрен выбирает и ему самому наиболее интересную — «Как может быть побежден большевизм и что за этим последует?». Вопросы политические, контрреволюция или реставрация прежнего режима, впрочем, очевидно невозможные, не занимают русского философа:

Христос или Антихрист — вот на какой вопрос, согласно Бердяеву, должен дать ответ русский народ [...] Эпохе гуманизма с ее демократическими идеалами во всем мире пришел конец; дорогу, лежащую сейчас перед миром, показал русский пример. Он показал, что, если не осуществить братства во Христе, то установится сообщество во имя Антихриста. Мир стоит на распутье.

Работы Бердяева 1930-х гг., охваченные одной мыслью («Философии, искусства, государства, общественная жизнь должны стать религиозными»), «заметно слабее», по мнению А. Карлгрена, сочинений 1920-х гг.

Это визионерство Бердяева не заслуживает критики: она лишь склоняет голову в почтительном молчании. Но затем он идет дальше, и когда он, как социальный реформатор, подробно описывает новое общество, которое будет построено в так называемом новом средневековье, то трудно оказать ему то же почтение. Тогда не остается ничего другого, как безо всякого почтения покачать головой.

Разумеется, прежде всего шведского профессора сильно смущает «ненависть» Бердяева к демократии, но в целом он совершенно перестает воспринимать серьезно изумившие его идеи русского философа, словно приглашая нобелевский ареопаг посмеяться над наивными фантазиями:

Характерной чертой нового средневековья будет пристрастие к оккультным наукам. Собственно наука вернется к своим истокам в магии, а вслед за тем раскроется и волшебная природа техники. В свою

очередь религия и наука начнут подменять друг друга, а затем явится потребность в новом познании. Мы возвращаемся в столь чуждую в еще недавнее время атмосферу чудес, когда снова возможной становится белая и черная магия²⁵.

На этом эксперт полагает завершенным «обзор основной части трудов Бердяева; все прочее, им опубликованное, представляет меньший интерес. Это пара монографий. Одна о Достоевском, другая о своеобразном русском писателе прошлого столетия [Константине] Леонтьеве», хотя имя этого «безвестного» и, в «пору русской реакции, сверхреакционно мыслящего» писателя «целесообразнее было бы оставить в полнейшем забвении». Наконец, в заключение А. Карлгрен объявляет, что он не берется «измерить значение» трудов, вышедших из-под пера русского философа, который «в современной русской философии ни в коей мере не считается звездой первой величины, уступая гораздо более значительным именам. Что же до его трудов, затрагивающих актуальные проблемы современности, то эти труды, которые, в сущности, и прославили его имя и были сочтены заслуживающими Нобелевской премии, я не могу назвать иначе как откровенно бессмысленными».

Со времени написания этого очерка прошло почти три четверти века. Религиозно-философское, историософское наследие Н.А. Бердяева продолжает вызывать неподдельный интерес, остается предметом горячих споров и научных исследований. Работа Антона Карлгрена, предназначенная для служебного пользования в недрах Шведской академии, никогда не была опубликована; кстати, она и не была написана с расчетом на печать, чем и объясняется резкая субъективность высказанных в ней суждений.

На вердикт Нобелевского комитета в 1942 г. мнение эксперта-слависта повлияло самым решительным образом. О кандидатуре Николая Бердяева, замыкавшего список номинаций, было записано, что экспертное заключение еще не готово, но в скором времени ожидается – не удивительно, ведь эксперту пришлось прочитать несколько философских книг и отреферировать их на нескольких десятках страниц!

Согласно краткому заключению эксперта, – сказано в финальном протоколе Нобелевского комитета, – он охарактеризовал кандидатуру как “совершенно безнадежную”. Комитет не в состоянии дать собственное мнение об этом предложении. [Nobelpriset 2001: 331]

Хотя Нобелевский комитет работал в соответствии с четко заведенным порядком, принимая номинации, заказывая экспертам обзоры творчества кандидатов на премию и занося в протокол их финальное обсуждение, но

25. Но разве не имел Бердяев оснований для подобных утверждений, если в Третьем рейхе при нацизме расцвел оккультизм, создавались организации вроде полумифической Ahnenerbe (Наследие предков) и организовывались экспедиции на поиски легендарной Шамбалы?

пять лет в течение Второй мировой войны, с 1940 по 1944 г., премию не присуждали. В 1943 г. в протокол было занесено следующее:

Это предложение не обсуждалось в прошлом году, так как из-за почтовых проволок экспертное заключение не поспело к заседанию Комитета. Однако вскоре оно поступило и содержало весьма подробную и основательную критику философии Бердяева, кульминацией которой стало отрицание ее [философии] значения и важности. Комитет выражает в этом году свой отказ от этой кандидатуры. [*Nobelpriset* 2001: 338].

В 1944 г. о кандидатуре русского философа в протоколе Нобелевского комитета сказано, что она отвергнута уже дважды на основании «разгромного» экспертного заключения и это решение не подлежит пересмотру [*Nobelpriset* 2001: 347]. В 1945 г. Комитет, как и прежде, находит нецелесообразным рассмотрение этой кандидатуры [*Nobelpriset* 2001: 354]. В 1946 г. о кандидатуре Бердяева записано уже на первой странице протокола следующее:

С 1942 г. наличествует подробный разбор русского философа Антоном Карлгренем, который приходит к его решительному отклонению. Комитет присоединился к этой позиции эксперта и позже повторил свое отклонение [кандидатуры Бердяева]. Он придерживается его и сейчас.

[*Nobelpriset* 2001: 361]

В ныне кончившемся 1945 году очень возросла моя известность, — замечает Н. А. Бердяев в послевоенном прибавлении к *Самопознанию*. — Меня начали ценить гораздо больше, чем раньше. Я постоянно слышу, что у меня “мировое имя”. Ко мне постоянно приезжают иностранцы, я получаю неисчислимое количество писем. <...> К моему удивлению, я стал очень почитаемым, почтенным, значит, уже солидным, почти что учителем жизни, руководящим умом. Это совершенно не соответствует моему самочувствию. Я <...> лишь искатель истины и правды, бунтарь, экзистенциальный философ, понимая под этим напряженную экзистенциальность самого философа, но не учитель, не педагог, не руководитель. Моя возрастающая известность давала мне мало радости жизни, мало счастья, в которое я вообще мало верю. Я очень мало честолобив.

[Бердяев 1949: 365]

Но если всемирная известность не приносила особой радости, то была причина и для горьких сожалений:

Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают,— это моя родина. [Бердяев 1949: 364]

В 1947 г. Нобелевский комитет, сославшись на критический отзыв эксперта и на принятое прежде отрицательное решение, в очередной раз отверг кандидатуру Бердяева [*Nobelpriset* 2001: 374]. В 1948 г. русский философ, выдвинутый на премию своим неизменным предстоятелем перед

Нобелевским комитетом, скончался, что и было зафиксировано в финальном протоколе [*Nobelpriset* 2001: 390].

Суммируя впечатления от одной из послевоенных международных «встреч» интеллектуалов, ужаснувшись маргинализации «духовности» в мире, элементарности мыслей и слов, Бердяев констатировал:

Я опять остро почувствовал, до какой степени я одиночка. <...> Я обращен к векам грядущим... [Бердяев 1949: 374]

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРДЯЕВ Н. А. 1949. *Самопознание (опыт философской автобиографии)*, Париж, YMCA-Press.
- БЕРДЯЕВ Н. 1991. *Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*, М., Феникс – ХДС-пресс.
- БЕРДЯЕВА Л. Ю. 2002. *Профессия: жена философа*, составитель, автор предисл. и коммент. Е. В. Бронникова, М., Молодая гвардия.
- ГУРВИЧ Г. Д. «Рец. Н. А. Бердяев. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Изд. "Современные записки", 1931», *Современные записки*, 1931, т. 47.
- МАРЧЕНКО Т. 2000. «Нобелевский эксперт: русские писатели в оценке Антона Карлгрена (1920-е–1930-е гг.)», *Scando-Slavica*, т. 46.
- МАРЧЕНКО Т. 2007. *Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)*, Köln; München, Böhlau, (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Bd. 55).
- ФЕДИН К. А. 1971. *Собр. соч. в 10 т.*, М., Художественная литература, т. 7.
- Nobelpriset i litteratur. Nomineringar och utlåtanden 1901–1950*, 2001, utgv. av Bo Svensén, del II, 1921–1950, Stockholm, Svenska Akademien.